

Н. И. Новиков

Пословицы российские

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н. И. Новиков
Н11 Пословицы российские / Н. И. Новиков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2122-7

16 пословиц российских были напечатаны в первой, второй и четвертой книгах периодического издания Новикова «Городская и деревенская библиотека» за 1782 год. Все рассказы условно можно разделить на две группы; в первой Новиков развертывал просветительские темы, во второй — политические. Цикл начинался невинным рассказом «Зиме и лету перемены нету». Помещение в начале цикла рассказа с моральной проблематикой было, несомненно, «уловкой» Новикова, продиктованной все той же тактикой «осторожности», для того чтобы обеспечить в дальнейшем напечатать остро политических и сатирических рассказов.

ISBN 978-5-4241-2122-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н. И. Новиков, 2021

Николай Иванович Новиков
Пословицы российские

Зиме и лету перемены нету

Где есть земля, там были, есть или будут люди; а где люди, тут, конечно, и любовь есть, сей приятный и непостоянный младенец беспрестанно гоняется за человеческим родом, он пробегает города, летает по домам, по садам, по театрам и в самые освященные места, будто тонкий пар, проникает; везде кидает стрелы, везде творит победы; но не останавливаясь в городах, посещает монастыри, пустыни, леса, забегает на паствы и отдыхает между поселян. Он подобен пчеле, посещающей благоуханные цветы и собирающей их соки для приятной себе пищи; он так же нечувствительно прикасается к сердцам, как она ко цветам; но последние от жала ее не увядают, а первые от стрел лукавого божка, чувствуя неизреченную сладость, тают и наконец совсем увядают. Есть сердца, кои долго сопротивляются сему приятному злодею, но сие сопротивление несравненно жесточе наказывается после противу тех, кои без багалии уступают место сражения; есть также счастливые сердца, которые во всю жизнь свою чувствуют ту же сладость, которую первое прикосновение резвого младенца производит, но сии так редки и так неизвестны, что мы их только в романах читаем.

Пролетая Ерот небольшое селение, лежащее на берегу моря, остановился, увидя прелестную и молодую Лину, поющую со свирелью молодого Арканса. Арканс так же приятен и так же весел, как его подружка, они резвятся, поют, играют, свобода и невинность устраивают их забавы, и любовь сердцам их неизвестна. Ерот взглянул на них, пролетел сквозь их очи, коснулся сердцам их, сердца загораются, Арканс на Лину кидает пламенные взоры, Лина краснеет, потупляет прелестные глаза, а Ерот отдыхает между ими. Арканс прерывает молчание и трепещущим голосом говорит:

– Лина, я люблю тебя, так ли и ты любишь меня?

Лина прерывающимся голосом отвечает:

– Мне приятно быть с тобою, Арканс, но не знаю, отчего сегодня робею говорить и глядеть на тебя.

– А мне беспрестанно, Лина, хочется на тебя глядеть; ты так хороша теперь, так мила, что если бы я смел поцеловать тебя...

Между тем Лину Арканс целует, Лина слабо сопротивляется, Ерот перелетает от уст к устам и делает пламенными их поцелуи.

– Ах, Лина! – сказал, вздохнув, Арканс, – я умру, ежели ты не будешь любить меня, – и еще поцеловал ее.

– Я сама не знаю, люблю ли тебя, но мне так сладки твои поцелуи, так приятны, как в жаркий день жаждущему приятен прохладный источник; но источник утоляет жажду, а твои поцелуи умножают мои желания, я бы хотела всегда быть подле тебя, я бы никогда не рассталась с тобою, но я боюсь, что завтра ты не так нежно любить меня будешь.

– Нет, Лина, любезная моя Лина, я чувствую, что любить тебя буду вечно, поцелуй меня еще, пусть этот поцелуй запечатлеет нежность в сердцах наших.

Лина целует его с пушею горячности; Ерот всплескал и полетел; любовники повторяют свои нежности и произносят клятвы вечно любить друг друга, в веселье протекает день, они с досадою расстаются, сговариваются завтра увидеться в роще на берегу моря, – еще до восхода солнца они встречаются,

приятность весны, пение пробуждающихся птичек, благоухание цветов, шум дерев и тихое летание зефира горячность их возобновляют, нежности множатся, но Лина не перестает думать, что Арканс ее когда-нибудь любить перестанет.

– Ты переменишься, Арканс, – сказала она с горестию, – и лязя ли не переменится тебе, когда все переменяется: посмотри на тишину моря, оно так тихо, как любовь наша, но зефир своим летанием его поколеблет, так равно и любовь твоя поколеблется.

– Посмотри, Лина, на восходящее солнце, – сказал Арканс, – оно вчера ссокрылось, но ныне с пушчим сиянием возвращается к нам, так подобно и любовь моя к тебе если когда-нибудь потухнет, то с пушею силою загорится.

– Нет, Арканс, погляди на сей источник, он стремительно течет, струи его теряются в море, но они уже не возвратятся к своей вершине, так и любовь твоя ежели когда-нибудь ослабеет, то ослабеет вечно; оглянись на сии прекрасные цветы, они прельщают глаза твои, но завтра увянут, и ты на них не взглянешь; послушай приятного пения соловья, он утешает тебя, но скоро замолкнет, и ты забудешь его песни.

– Но не забудь, моя любезная Лина, ту песенку, которую я для тебя спою.

Лина садится под тению древес, целует Арканса, а он в объятиях ее поет.

Как зиме и лету
Перемены нету,
Так моей любви
И огню в крови
Премены не будет.

Арканс нежной Лины вовек не забудет.

Лина слушает его с восхищением, умножает свои ласки, повторяет его песню, эхо им отвечает, зефир разносит их голоса, и во всей роще раздаются сии слова: *как зиме и лету перемены нету.*

– Веришь ли, Лина, – сказал Арканс, – что я не переменюсь.

– Верю, – отвечала Лина, – эта песня так мне приятна, что я беспрестанно петь ее буду.

Она начертывает песню на деревьях, пишет на песке, возвращаясь в дом свой, поет ее своим подружкам, они беспрестанно твердят слова сии, и наконец песня сделалась общею песнею всего селения. Лина время от времени умножает свою любовь к Аркансу, Арканс час от часу больше пленяется Линою, пролетают дни, протекают годы в любовных восхищениях. Арканс начинает чувствовать пустоту и скуку, он уже не так часто поет любимую Лину песню, находит случай, вымышляет нужду ехать в город; Лина тоскует, плачет, Арканс ее обнимает и обещает чрез несколько дней возвратиться к ней, он вырывается из ее объятий и уходит. Лина его кличет, но он не возвращается, она рыдает, слова останавливаются во устах ее, но первые движения горести миновались. Лина вымышляет, как бы сократить время разлуки, она вседневно ходит в свою любезную рощу, которая ей кажется наполнена их нежностями, призывает подружек, поет с ними Аркансову песню, ждет его, но он из городу не возвращается: прошел уже месяц, Арканса нет, Лина вздыхает и плачет, а между тем время проходит; красота Лины увядает, бледность покрыла лицо ее, глаза потеряли свое сияние, веселый нрав исчез, она уже не поет Аркансову песню, но томным голосом повторяет:

Как зиме и лету

Перемены нету,
Так моей разлуке
И жестокой муке
Перемены нету.

Подружки, желая угодить ей, вытверживают и сию песню и вместе с Линою плачут. Наконец Арканс возвращается к Лине, но горячая любовь его охладела, увядшие прелести Лины потушают и последние искры в его сердце; она примечает его холодность, напоминает ему его клятвы.

– Прочти, неверный, – сказала она, – начертанные слова на деревьях твоей песни: *зиме и лету перемены нету*, а ты меня более не любишь.

– Так, Лина, – сказал Арканс, – лето не прменяется, оно те же приятности имеет и теперь, как и прежде, но посмотришь в сей ручей, остались ли в тебе те приятности, которые меня пленяли, тогда была твоя весна и ты была прелестна, наступило твое лето, прелести твои умножились, и моя любовь столь была горяча, как летний знойный день, но осень твоя наступила, хлад ее разлился в мое сердце, оно охолодело, и я тебя оставляю. Ежели ты можешь возратить красоты свои, если прежняя нежность и веселости оживят тебя и сделаешься ты подобна прекрасному лету, мое сердце опять загорится, и опять я стану петь твою любимую песню, а теперь прости, Лина, я более тебя не увижу.

Он с холодностию ее оставляет, смертная бледность Лину покрывает, она умирает и, испуская дух, слабым голосом успела сказать: «*Зиме и лету перемены нету*». Подружки ее по ней рыдают и рассказывают сельским жителям смерть Лины и последние ее слова. Сии слова твердятся в устах поселян, от них переходят в малые города, из малых в большие и, наконец, сделались общею пословицею, каждый, относя к своим обстоятельствам кстати, говорит: «*Зиме и лету перемены нету*»; вот источник, откуда сия пословица проистекла; сие должно быть вероятно, всегда женщины умели горячо любить, всегда мужчины были льстивы и переменчивы, всегда увядала красота лиц, и всегда за то любовницы теряли своих любовников.

Малого пожалеешь, да большее потеряешь

Какое бы основание имела сия пословица, то неизвестно, ее можно ко многому относить, но настоящей причины ее сыскать я не мог, например: ежели при начале болезни больной пожалеет денег призвать врача или заплатить за лекарства, болезнь умножится, и тогда или в аптеку больше заплатишь, или совсем здоровье утратишь, таковому можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.*

Пожалея родители для воспитания и учения детей своих денег вырастят их невеждами; невежество приведет их в праздность, а праздность, будучи источником всех пороков, развратит их нравы и сердца, таковым родителям можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.*

Молодой человек, пожалея для чтения и размышления употребить время, которое невидимо протекает в воображаемых веселостях, не приготовит себя к тем летам, в которые все прежние забавы обратятся в скуку, все удовольствия, восхищающие молодость, потеряют свою силу и сделаются тягостными. Старость приходит к нему прежде, нежели он ожидал ее, уныние и скука заступят место веселостей. Какое же услаждение найдет он сам в себе, разум, не приобывший к размышлениям и не будучи очищен знаниями, будет заниматься одними безделками, но сии безделки питать его не будут; что же последует, скука и отчаяние сделают его несносным для себя и тягостным для других, таковому можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.*

Твердов, жалея потерять свою свободу, удаляется приятностей любви, он взирает на прелести Плениды, чувствует их цену, но бегаёт от свидания с нею; она ищет его, сердце ее готово изливать всю нежность любви в душу нечувствительного, но он боится сие приметить. Любовь зовет его в свои объятия, но он ей не внимает. Бедный Твердов! ты, жалея свободы, которая разливает хлад на все увеселения, видимые тобою, теряешь несравненное удовольствие, наисладчайшие чувства, коими природа нас наградила: любовь! небесный дар! в твоих недрах забываю я все горести и напасти, свойственные человекам, твои приятности питают и возвышают мою душу.

Мне кажется, что я на небо восхищен,
Когда в объятиях Елизиных бываю,
Мой разум нежностями толико обольщен,
Что я себя тогда бессмертным почитаю.

Но Твердов не так думает; он жалеет свободы, и ему смело можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.* Свобода малый дар в сравнении всех приятностей, которые любовь в себе имеет.

Нежалов страшится быть чувствителен, он жалеет потерять свою твердость и для того удаляет от себя все то, что может растрогать его душу; ему встречается бедность, требующая со слезами его помощи, но он затворяет глаза, чтобы не видать слез несчастного. Удрученный бедствиями ищет его покровительства, он может удовлетворить ему, но должно выслушать страждущего. Нежалов, бояся потерять твердость, заграждает слух свой и отгоняет злосчастного. Самый друг его, носящий в сердце своем горесть, снесающую его, желает ее изливать в его

душу, чтобы облегчить свою, но не имеет свободы говорить с ним, Нежалов только тогда друг ему, когда он спокоен. О несчастный и бедный Нежалов! ты считаешь счастьем то, что за совершенное несчастье почитать должно; ты, сохраняя твердость, лишаешь себя божественного удовольствия. Может ли драгоценнее и приятнее быть той минуты, которою питаешь бедного с его семейством, когда исторгнешь из пропасти зол отягченного несчастьями и когда, внимая гласу дружбы, разделяешь горесть друга твоего, чувствуешь ее и проливаешь слезы в его сердце, тогда-то только становимся мы выше себя и приближаемся к самому богу: жалость и милосердие, конечно, делают нас выше человека. О! божественная чувствительность, пребывай в моем сердце и обладай им, слезы, исторгающиеся несчастьями моего ближнего, вы мне сладостны, когда я вами уменьшаю хоть малую часть его злополучия.

Кто нежны чувства имеет от природы,
Тот нужен для других и счастлив для себя;
Сии, чувствительность, имеешь ты выгоды,
И выше всех даров считаю я тебя,
Ты разумом моим и сердцем ты владеешь,
И руководствует везде мне власть твоя,
Но если у меня ты в сердце ослабеешь,
Прервется пусть с тобой тогда и жизнь моя.

Нежалов, знай, что вся твердость и вся стоическая философия не стоит одной капли слез, пролитой от чувствительного сердца, весь свет согласится со мною вместе сказать тебе: *мало пожалеешь да больше потеряешь*. Ты теряешь самое большее добро, сохраняя почти ничто, и сия пословица, конечно, родилась от нечувствительности.

Замок для дурака, а печать для умного

Было время, когда пословицы были в моде, и те, кои изобретали оные, были почитаемы за острых людей. Прослыть острецами лестно казалось для молодых людей, и для того каждый из них старался выдумать пословицу, которая бы основанием своим имела неложные причины и за которые почли бы его острым человеком. Многие из молодых людей имели успех в их выдумках, и выдуманные их пословицы вошли во употребление. Тогдашнего века по домам, по торжищам и во всех собраниях слышны были только одни пословицы, и вечно бы не прекратилось желание выдумывать их вновь, если бы один из почтенных старцев не изобрел средства уничтожить их хитрым своим вымыслом: предвидел он зло, которое могло бы непременно последовать от чрезмерного желания молодых людей за острые выдумки заслужить имя умного человека; уже не стали щадить они для сего ни родства, ни приязни и самой дружбы, одна старость лег была еще у них уважаема, и сим воспользуясь, почтенный старец употребил следующее средство.

По тогдашнему обычаю собирались молодые люди на площади, сделанной среди города, из чего составлялось у них гульбище, подобное нынешним, какое мы имеем в садах и публичных собраниях: почтенный старец, о коем упомянуто мною, удостоил сие собрание его присутствием, и едва видим он сделался толпою народа, как на всех лицах изобразилось удивление, последовала тишина, и с подобострастием каждый стал ожидать известия о причине старцева к ним прихода; слабыми стопами достигнувши старец до среды собрания и, покрытый сединою, привлек всех к себе внимание.

– Не разрушить собрание ваше, но учинить совет пришел я, – рек с важным видом почтенный старец, – в чем ныне упражняетея, юноши, и что поставяете себе за честь, то было и в нашем веке в употреблении; выдуманные вами острые пословицы не есть новое изобретение, были они и в наше время, но были безвредны, были от случаев, а некоторые из них были сделаны для нравоучения и заключали в себе таинства; таковые пословицы были полезны, родство не оскорблялося, приязнь не нарушалася, и дружба почиталася священной; а ныне, слышу я, для острой пословицы забывается все сказанное мною, и скоро уже старость лет ни во что вменяется будет. О юноши! почтите сединою покрытую голову, примите мой совет, оставьте ваше умствование и последуйте вашим предкам, кои говаривали: *что замок для дурака, а печать для умного*. Сия пословица заключает в себе таинственное нравоучение; дайте мне слово, что пока не отгадаете ее настоящего смысла, то вновь пословиц изобретать не станете, а кто с верными доказательствами ее вам растолкует, того почтите вы за мудреца и во всем советам его последовать будете.

По окончании старцевой речи прервалось молчание, тронутое самолюбие юношей заставило каждого стараться разрешить задачу с верными доказательствами: дав слово, что ежели оные опровергнутся и докажутся им, что они неправы, то последовать тому, что от него повелено будет. Старец, доволен будучи их ответом, дал время им на размышление неделю и удалился из собрания; а юноши положили между собою в сию неделю не видаться, сидеть по домам, и не сообщая друг другу о догадках на заданную задачу от старца, а почесть того

за мудреца, который решит ее верно.

Присутствие в доме каждого из молодых людей заставило некоторые часы разделять их с сродниками; а между тем желание решить верно задачу принудило со вниманием слушать разговоры старших, дабы почерпнуть из них причину, заставившую сделать по тогдашнему веку сию пословицу. Сие самое заставило почувствовать незрелость их разума, потому что когда они слушали со вниманием старших, то находили совсем противные рассуждения о свойствах разума человеческого тем, кои они имели и кои им казались быть верными. Сие несходство мыслей понудило их к размышлению, и сообразя дела предков их с своими без пристрастия к себе, каждый почувствовал, что они были их основательное и умнее. Срок, назначенный старцем к решению задачи, приблизился; юноши, бояся не сделать ошибки, не осмелилися приступить к решению оной, собираются все на площадь, в молчании ожидают пришествия старцева, и се явился его почтенный вид; юноши его окружают с покорностию и подобострастием, признаются, что мудрая его задача ими не решена, просят, обнимая колена его, истолковать им оную и в знак благодарности клянутся исполнять все его приказания; тронутый старец покорностию и чистосердечным признанием юношей пролил радостные слезы, обнимая их, с восторгом возопиял:

– О возлюбленные мои дети! как вы меня восхищаете вашим чистосердечным признанием! признаюсь, что я не ожидал от вас такой покорности, и казалось мне, что нравы ваши совершенно уже развратилися; но видя, что осталася в вас искра добродетели и что избираете меня вашим путеводителем, с охотою открою вам причину, заставившую сделать пословицу, коя послужила вам от меня задачей и которая заставила вас признаться, что не есть вы совершенны, а требуете еще себе путеводителя.

По сих словах старец сел и, поставя юношей вокруг себя, начал речь свою следующим образом:

– Когда был я еще в ваших летах, тогда имел у себя родителя, человека разумного и почтенного от всех людей; молодость и роскошная жизнь моя отвлекали меня от частого пребывания с моим родителем; не умел я пользоваться его наставлениями: вдаясь я во все роскоши и нажил столько долгу, что, конечно, умер бы в тюрьме, ежели бы не захотел меня от оной освободить мой отец, он искупил меня от моих должников; но дабы наказать меня за мою ветреность, сослан я был в необитаемое место, где кроме храма, посвященного премудрости, никакого жилища не было. На сем-то храме была сия надпись: *«Замок для дурака, а печать для умного»*. Никогда бы, живучи в свете, не пришло мне на мысль отгадывать причину сей надписи; но во уединении и в печальных моих обстоятельствах найдя отраду доискиваться того, что мне неизвестно, и положил неотменно найти причину, для чего сия надпись у храма поставлена. Не привыкший разум мой к верным заключениям попадал на многое, но всегда оставался я сам собою недоволен. По прошествии шести месяцев, по обыкновению моему, пошел я еще до восхождения солнца ко храму и, севши у подошвы оного, начал размышлять о надписи, но размышление мое прервалось зрением на восходящее солнце, которое во всем своем величестве из горизонта показываться стало. «О великий боже, – вскричал я с восторгом, – колико милость твоя велика к тварям и как премудрость твоя нам непостижима!» В сие время услышал голос из храма: *«Замок для дурака, а печать для умного»*; содрогнулся я от слышанного мною

гласа, бросился ко храму, но видя, что он изнутри был заперт и что войти в него было невозможно, бросился я на колени и, рыдая, возопиял: «Господи, господи, настави мя на путь истинный и научи мя познать тайну сея надписи»; едва сие я вымолвил, как отворилися двери храма, и я увидел перед собою моего родителя, упал я к стопам его, просил прощания в моих преступлениях пред ним. «Встань, несчастный, – сказал он мне, – ты очищен терпением твоим от твоих пороков и достоин просветиться».

«Потом введен был я им во храм, посреди коего поставлен стол, и на нем лежала книга премудрости. «Здесь, – сказал мне родитель мой, – собиралися мудрецы в древности, в честь им создан сей храм, и ими сия книга писана». Я начал ее читать, но многого не разумел: однако видел, что были в ней написаны предания древних законов, размышления обо всех вещах, а в конце сей книги изображена женщина, имея в правой руке печать, а в левой замок. Просил я родителя моего, чтобы истолковал он мне, что сие значит, на что отвечал он мне, что женщина сия изображает премудрость, замок есть запрещение дуракам к достижению премудрости: а умные, чрез старание свое достигнув оныя, налагают на себя печать скромности. «Итак, сын мой, – сказал мне мой родитель, – ежели хочешь быть мудрым, то должен остаться ты в сем храме до тех пор, пока книга премудрости будет для тебя совсем понятна»; я охотно на сие согласился, и с помощью моего родителя и откровения свыше в год моего во храме пребывания разумел я книгу премудрости. Совершенно чрез нее научился я сделаться совершенно счастливым, и ежели вы, любезные дети, хотите последовать моим советам, отложите ваши умствования, приходите ко мне, я открою вам, что может человека сделать совершенно счастливым на целый век; и вы будете навсегда благополучны».

Юноши с благодарностию приняли старцево предложение, перестали оказывать разум свой в острых выдумках, прилепилися к познанию истинного блага; и на той площади, где получили от старца в первый раз себе наставление, воздвигли столп, на коем сия надпись была вырезана: *что замок для дурака, а печать для умного.*